

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК: 340.2(075.8)

**ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ,
МАТВЕЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ**

ПОНЯТИЙНЫЕ ОГРЕХИ «ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА» А. В. ПОЛЯКОВА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРАВОВОЙ НАУКИ

АННОТАЦИЯ

Состояние вопроса: Реальное несоответствие практики бытия и хозяйствования обеспечивающему их праву всегда заставляло правоведов искать самые разносторонние пути обобщения и развития в рамках «теории государства и права» теории права, которая обычно выступает первообразной для права, являющегося ее производной, поскольку какова теория права, таково и само право. На всем протяжении существования «теории государства и права» делались многочисленные попытки рассмотреть право с разных сторон, что привело к появлению не только самых различных теорий права, но даже и теорий отраслей права, при этом появившаяся теория военного права стала даже производной от самого военного права, что создало теоретическую основу для исследования, например, «дееспособности» воинских частей как юридических лиц. Неустранимые несоответствия практики и созданных мыслителями в рамках государства теорий права обусловили появление в 2001 г. первого, а затем в 2003 г. и второго издания «Общей теории права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций» А.В. Полякова, который использовал введенные им «научно приемлемые определения права», принципиально отличающиеся от общепринятых.

Результаты: Исходной позицией для рассмотрения понятийных огрехов А. В. Полякова стала понятие «истина», являющаяся «противоположностью лжи; всем тем, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть». Это позволило выявить несоответствие общепринятых научных определений и введенных А.В. Поляковым «научно приемлемых определений права», который:

- предложил понимать под теорией права «раздел философии права, претендующий на всеобщность, установленный в его рамках правового знания и достоверность ...», которые, однако, не позволяют отличить ее от других объектов, обладающих такими же свойствами;
- в основу «феноменологического» подхода к праву положил понятие «феномен», хотя выборка из одного элемента никоим образом не может отражать свойства генеральной совокупности, а потому не является репрезентативной, а в основу «коммуникативного» подхода – понятие коммуникации «сообщение, общение», которое определил как «взаимодействие между субъектами»;
- предложил отличать друг от друга производственные и экономические отношения, которые являются синонимами и определив правоотношения «в форме взаимных прав и обязанностей» включил их в состав общественных отношений, хотя отношения превращаются в правоотношения тогда и только тогда, когда они становятся обязательными для всех времени, в пространстве и по кругу лиц;
- определил структуру только как «отношения между элементами», а систему как «целое, составленное из частей»;
- представил функции государства как «основные направления его деятельности», хотя «с функцией связывается направленное, избирательное воздействие ... на определенные стороны внешней среды»;
- ввел понятие «нормы-принципы», хотя норма права представляет собой «общеобязательное правило поведения», от которого можно отступить, а под принципами права понимаются «исходные положения, основополагающие идеи, начала, от которых нельзя было отступить»;
- определил «правовое регулирование» не его сущностью, «целенаправленностью», а тем, как оно осуществляется.

В рамках «общей теории права», которая, как и любая теория, является аксиоматической, оказались не исследованными моделирование социально-экономической сферы, функционирование которой и должна обеспечивать его «общая теория права»; аксиоматика общественных отношений, а также сущностные признаки, лежащие в ее основе.

Негативные последствия понятийных огрехов «общей теории права»: весьма серьезны, поскольку, по мнению Д.И. Писарева, «неправильность употребления слов ведет за собой ошибки в области мысли и потом в практике жизни».

Область применения результатов: Выявленное несоответствие общепринятых научных определений и введенных А.В. Поляковым «научно приемлемых определений права» позволяет отказаться от теоретических попыток рассматривать право, обеспечивающее жизнедеятельность общества через обогащение его предприимчивой части в предположении, что как только она обогатится, то сразу же наступит всеобщее благоденствие, с разных сторон и рассмотреть возможность применения и развития «теории права на основе сущностного признака общественных отношений – собственности (на

примере Российской Федерации), включающей в себя эмпирическую, теоретическую, методологическую и практическую части и отношения между ними, для перехода от правового обеспечения конкуренции только частных собственников и их организаций, приводящей к кризисам, нищете и безработице, к конкуренции между обществом и его организациями и частными собственниками и их организациями.

Выводы: Использование общепринятых научных определений, которые принимают правовой характер, когда они становятся обязательными для всех времени, в пространстве и по кругу лиц, является важным шагом к исключению неустраняемых несоответствий обеспечивающей практику теории права и разработке на этой основе новой теории права, лишенной такого рода несоответствий.

Ключевые слова: теория; общая теория права; понятия; огрехи; последствия; феномен; коммуникация; экономические отношения; производственные отношения; общественные отношения; правовое регулирование; структура; система; норма; принцип; А. В. Поляков.

DOMAKOV V.V.,
MATVEEV V.V.

THE CONCEPTUAL FLAWS OF THE «GENERAL THEORY OF LAW: PHENOMENOLOGICAL AND COMMUNICATIVE APPROACH: A COURSE OF LECTURES» A. V. POLYAKOV AND THEIR IMPLICATIONS FOR LEGAL SCIENCE

ABSTRACT

Background: The real discrepancy between the practice of life and management to ensure their law always made lawyers look for the most versatile ways of consolidation and development of the «theory of state and law» theory of law, which is usually integral to the right is its derivative, because what's the theory right, so very right. Throughout the existence of the «theory of state and law» made numerous attempts to consider the right with the different parties that resulted in not only a wide variety of theories of law, but even the theories of areas of law-which was the theory of military law was even derived from the military law that created a theoretical framework for the study, for example, the «capacity» of military units as legal entities. Fatal inconsistencies of practice and established thinkers in the framework of the state law theories has led to the emergence in 2001 of the first, and then in 2003 and the second edition of «General theory of law: phenomenological and communicative approach: a course of lectures» A. V. Polyakov, who used introduced them to «scientifically acceptable definition of law» is fundamentally different from the usual.

Results: The starting point for consideration of the conceptual flaws A.V. Polyakov was the concept of «truth» that is «the opposite of falsehood; all that is true, genuine, right, true that is». This allowed us to detect non-compliance with accepted scientific definitions and introduced by A. V. Polyakov «scientifically acceptable definition of law» that:

- it is proposed to understand under the theory of law «section of the philosophy of law, claiming the universality of the established in the framework of legal knowledge and accuracy ...», which, however, does not allow to distinguish it from other objects with the same properties;
- the basis of the «phenomenological» approach to the law put the concept of «phenomenon», although a sample of one element in no way can reflect the properties of the General population, and therefore is not representative, and the «communicative» approach – the concept of communication «message communication», defined as «interactions between subjects»;
- suggested to distinguish from each other production and economic relations, which are synonyms, and defining legal relations «in the form of mutual rights and obligations» incorporated them into the structure of social relations, although the relationship turn into a relationship, and then only when they become binding for all time, space and persons;
- determined the structure only as «relations between elements» and the system as a «whole composed of parts»;
- introduced the functions of the state as «the main directions of its activities», although «function associated with the directed, selective effects ... some sides of the external environment»;
- introduced the concept of «norms-principles», although the rule of law is a «generally binding rule of conduct» from which to retreat, and under the principles of law refers to the «assumptions underlying ideas, beginning, from which it was impossible to retreat»;
- determined «the rule of law», not its essence, «focus», and how it is implemented.

In the framework of the «General theory of law», which, like any theory, is axiomatic, was not investigated modelling the socio-economic sphere, the functioning of which needs to provide his «General theory of law»; the axioms of public relations, as well as the essential characteristics of the underlying.

The negative effects of the conceptual flaws of the «General theory of law»: very serious, because, according to D.I. Pisarev, «wrong use of words leads to errors in thought and practice, then in life».

The scope of the results: Reveals discrepancy between commonly accepted scientific definitions and introduced by A.V. Polyakov «scientifically acceptable definition of law» eliminates the theoretical attempts to consider the right providing activity of the society through enrichment of its enterprising part on the assumption that as soon as it enriched, once General prosperity, from different angles and to consider the use and development «of the theory of law on the basis of the essential feature of social relations – ownership (on the example of Russian Federation)», including empirical, theoretical, methodological and practical parts and the relations between them, for the transition from legal support competition only private owners and their associations, leading to crises, poverty and unemployment, competition between society and its organizations and private owners and their organizations.

Conclusions: Use accepted scientific definitions, which make the legal character when they become binding for all time, in space and on the number of persons, is an important step to the exclusion of the fatal inconsistencies to ensure the practice of theory of law and development based on this new theory of law, devoid of such inconsistencies.

Keywords: theory; General theory of law; concepts; flaws; consequences; phenomenon; communication; economic relations; industrial relations; public relations; legal regulation; structure; system; rule; principle; A.V. Polyakov.

Считается, что современная диалектическая концепция научного познания не отрицает истинности разработанных ранее правоведами теоретических концепций и достигнутых ими в праве научных результатов, а только уточняет их место в общей системе развивающегося научного юридического знания, границы их применимости и намечает пути их обобщения и развития.

Если истина – это «утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом», т. е. «то, что существует в действительности, отражает действительность» [17, С. 217], то многовековое существование «теории государства и права» в полной мере подтверждает правоту такого мнения и четко определяет, как следует из названия, границы ее применимости рамками государства. Однако именно реальное несоответствие практики бытия и хозяйствования обеспечивающему их праву всегда заставляло правоведов искать самые разносторонние пути обобщения и развития в рамках «теории государства и права» теории права, которая обычно выступает первообразной для права, являющегося ее производной, поскольку какова теория права, таково и само право. На всем протяжении существования «теории государства и права» как некоторого объекта со своим специфическим содержанием неоднократно делались попытки, не меняя ее сути, устранить множественные несоответствия практики и обеспечивающей ее теории права путем рассмотрения его с разных сторон. Так в рамках государства появилась теория естественного права, историческая теория права, социологическая теория права, нормативистская теория права, психологическая теория права, материалистическая теория права, меновая теория права и т. п. Неудовлетворенность и этими полученными результатами заставила правоведов наряду с теориями права разрабатывать даже отраслевые теории права, при этом если, например, теория гражданского права [14] выступает первообразной для самого гражданского права, то уже более поздняя теория военного права [12] стала производной от самого военного права [18, С. 2-5], что создало теоретическую основу для исследования, например, «дееспособности» воинских частей как юридических лиц [2; 6], хотя общеизвестно, что по действующему гражданскому законодательству РФ дееспособностью обладают только физические лица. Все это вполне подтверждает мнение М. А. Булгакова о том, что «разруха сидит не в клозетах, а в головах» [5, С. 36].

Неустранимые несоответствия практики и созданных мыслителями в рамках государства теорий права и по сей день заставляют теоретиков-правоведов, описывающих право с разных сторон, делать все новые и новые попытки на «пути ее обобщения и развития». Так, в 2001 г. вышло первое, а затем в 2003 г. и второе издание «Общей теории права: Феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций» [22] А. В. Полякова, рецензентами которой выступили доктор юридических наук, профессор Ю. Я. Баскин, доктор юридических наук, профессор Ю. И. Гревцов и доктор юридических наук, профессор Д. И. Луковская, что очередной раз подтверждает неудовлетворенность правоведов существующими теориями права.

Предложенное А. В. Поляковым содержание монографии включило в себя два предисловия, проблему правопонимания в истории теоретико-правовой мысли, российский правовой дискурс: основные идейные доминанты, правогенез, онтологический статус права, право и ценности, правосознание: онтологический и социокультурный ракурсы, правовую культуру, право и закон, право и государство, право в государстве: структурно-функциональный аспект, право в государстве: концепт правовой государственности, действие права (пространство правовой коммуникации), правовые тексты как источники права, нормы права, правовые отношения, применение права, интерпретация (толкование) правовых текстов, правонарушение и правовую ответственность, а также законность и правопорядок. Однако в этом содержании явно описательного характера нельзя увидеть характерную для любой теории стройную структуру, включающую в себя взаимосвязанные эмпирическую, теоретическую, методологическую и практическую части и отношения между ними.

С точки зрения рассмотренного выше определения понятия «истина» содержание монографии А. В. Полякова, рассматривающее право в рамках государства с его неизменной сущностью и указанным содержанием, но с отличной от прежних вариантов стороны, казалось бы, не должна также вызывать никаких сомнений, как и все перечисленные выше теории права и теории отраслей права. Подтверждением этому являются многочисленные ссылки автора в этом труде на мнения авторитетных правоведов, которые, однако, привязывали свои работы к конкретным условиям бытия и хозяйствования, отличающимся от условий настоящего времени. Однако если считать, что истина –

это «противоположность лжи; все то, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть» [8, С. 52], то открывается перспектива посмотреть на эту работу именно с позиции «верно, подлинно, точно, справедливо».

Следует начать с того, что ключевым понятием, положенным А. В. Поляковым в основу названия монографии, является слово «теория». Прежде всего, он отмечает, что слово «теория», являющаяся, кстати, именем существительным¹, имеет «греческое происхождение и в переводе означает «рассматриваю», «исследую», которые уже являются глаголами². Затем со ссылкой на С. С. Аверинцева замечает, что слово «теория», «приобретшее для нас совершенно иное содержание, означало для грека, собственно говоря, «созерцание», почти «глядение», бездеятельное и бескорыстное всматривание в черты телесных и бестелесных эйдосов, т. е. «умозрение» в самом буквальном смысле слова». Наконец, в концепции Гуссерля «теории» он придает «исконно греческое» значение этого термина как незаинтересованного созерцания, противопоставляемого «мнению» – смутному, неточному знанию, ограниченному частным, прагматически окрашенным ценностным интересом». Не отдавая предпочтение какому-либо одному из этих определений, А. В. Поляков предлагает далее понимать под теорией права «раздел философии права, претендующий на всеобщность, установленное в его рамках правового знания и достоверность, подтверждаемую как феноменологической очевидностью («уразуменной явленностью», по выражению А. Ф. Лосева), так и различными вариантами верификации и фальсификации» [22, С. 14, сноска 6]. Однако «всеобщность» и «достоверность», характеризующие только некоторые свойства рассматриваемого объекта, никоим образом не определяют сущность теории как таковой, ибо не позволяют отличить ее от других объектов, обладающих такими же свойствами.

Продолжая исследовать название, можно заметить, что работа А. В. Полякова именуется «Общая теория права». Как известно, понятие «общая» означает «одинаково относящееся ко всем, ко всякому или к тем людям, о которых идет речь» [8, С. 526]; понятие «теория – «умозрение, умозаключение; заключение, вывод из чего-либо не по явлению на деле, а по выводам своим» [10, С. 229], а понятие «право» – «данная кем-либо или при-

знанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах» [9, С. 306]. Объединение этих понятий дает следующее название монографии А. В. Полякова: «Одинаково относящееся ко всем, ко всякому или к тем людям, о которых идет речь, умозрение, умозаключение; заключение, вывод из чего-либо не по явлению на деле, а по выводам своим о данной кем-либо или признанной обычаем власти, силе, воле, свободе действия; власти и воле в условных пределах». Однако известно, что теорий права не «одинаково относящихся ко всем, ко всякому или к тем людям, о которых идет речь», т. е. не «общих» теорий, вообще не бывает.

Вторая часть названия – «феноменолого-коммуникативный подход» раскрывает сторону, с которой автор «рассмотрел, исследовал» [22, С. 176] свою «общую теорию права».

В общепринятом понимании понятие «феномен» в этой части названия означает «явление, случай, событие в природе; редкое, необычайное явление» [10, С. 338]. Полагая, что феномен – это «доступное человеческому познанию явление, противоположное непознаваемой сущности его – ноумену» [22, С. 14, сноска 6], А. В. Поляков «рассмотрел, исследовал» [22, С. 14, сноска 6] «феномен права». Однако выборка из одного элемента никоим образом не может отражать свойства генеральной совокупности, а потому такая выборка не является репрезентативной, при этом следует специально заметить, что правовой аспект для условий бытия людей и условий их хозяйствования возникает по той или иной причине лишь тогда, когда эти условия становятся обязательными для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц [11, С. 236].

Понятие «коммуникация» в традиционном представлении означает «сообщение, пути, дороги, средства связи мест» [8, С. 126], а применительно к нашему времени – «сообщение, общение» [17, С. 242]. Однако автор считает, что «коммуникации – это взаимодействие между субъектами, опосредованное некоторым знаковым объектом (текстом), иными словами – смысловой аспект социального взаимодействия» [22, С. 48]. Однако такое «взаимодействие между субъектами» может осуществляться лишь в динамике посредством связи между элементами. Отсюда следует, что понятие «коммуникация» в принципе «взаимодействием между субъектами» быть не может, поскольку выражается только через отношения

1 Вставлено нами.

2 Вставлено нами.

(связи), которые буквально означают «принадлежать, состоять в связи, в ведении, в зависимости» и являются элементом любой структуры.

Оставив вообще без «рассмотрения, исследования» [22, С. 14, сноска 6] само множество отношений между элементами и их природу, А. В. Поляков считает, что «правовые отношения выражаются в форме взаимных прав и обязанностей и связывают людей в коммуникативное правовое сообщество, определяя их соотношенное друг с другом поведение, направленное на удовлетворение потребностей в разнообразных социокультурных ценностях» [22, С. 726]. В то же время общеизвестно и совершенно очевидно, что отношения превращаются в правоотношения тогда и только тогда, когда они становятся обязательными для всех времени, в пространстве и по кругу лиц, при этом они оказываются связаны не только с правами и обязанностями, но и с ответственностью, которая возникает за неисполнение обязанностей, за ненадлежащее исполнение обязанностей и за ненадлежащую реализацию своих прав.

Правовые отношения только «в форме взаимных прав и обязанностей» А. В. Поляков включает в состав общественных отношений, под которыми понимает «поведение членов общества, соотношенное по своему смыслу с друг с другом и выражающееся в различных формах взаимозависимости, взаимосвязи и взаимодействия (коммуникации)» [22, С. 731]. Используя «научно приемлемые определения права», он считает, что:

«право – это юридическое выражение производственных отношений в господствующих отношениях собственности;

право – это специфическая форма экономических отношений, образующая юридическую надстройку над базисом классового общества;

право – это средство упрочения общественных отношений, способ эмансипации производства от случая и произвола ...» [22, С. 171].

Однако «научно приемлемые определения», используемые, например, в политической экономии утверждают, что «в процессе производства, обмена и распределения материальных благ люди неизбежно и независимо от их воли и сознания вступают в определенные общественные отношения между собой, которые называются производственными или экономическими отношениями» [20, С. 7]. Отсюда следует, что «производственные» и «экономические» отношения являются синонимами, а такие «определенные общественные отно-

шения» включают в себя по определению только «собственность (присвоение), т. е., по сути, отношение собственников и несобственников к объектам собственности³ ...», а также отношение обмена и распределения» [20, С. 8], а потому в принципе не могут иметь в своем составе правоотношения, являющиеся отношениями, которые, как отмечалось выше, стали обязательными для всех во времени в пространстве и по кругу лиц. Кроме того, вполне очевидно, что состав указанных «определенных общественных отношений» может быть распространен в рамках обеспечения их жизнедеятельности на уровень человека, семьи, коллектива и общества в целом.

Определив структуру как «отношения между элементами в системе, необходимые и достаточные для того, чтобы система достигла цели», а в несколько иной формулировке «как совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внутренних и внешних изменениях» [22, С. 113-114], А. В. Поляков в то же время включил, например, в «структуру мыслекоммуникации:

- 1) не менее двух участников-коммуникантов;
- 2) ситуацию;
- 3) сообщения (тексты);
- 4) мотивы и цели;
- 5) процесс материальной передачи текстов;
- 6) восприятие (интерпретацию) сообщения»

[22, С. 49]; в структуру государства – «совокупность его устойчивых связей, обеспечивающих сохранение основных свойств государства при различных внешних и внутренних изменениях» [22, С. 529], а в структуру права – «общезначимые нормы и межсубъектные правоотношения» [22, С. 263].

Однако под структурой обычно понимается совокупность, элементами которой являются некоторые объекты или их группы, а отношения (связи) между ними отражают порядок и последовательность их работы, так что структура в принципе не может быть только «отношениями между элементами в системе» или «совокупностью его устойчивых связей», что в полной мере подтверждается мнением того же А. В. Полякова о «структуре мыслекоммуникации».

Рассматривая правогенез, А. В. Поляков говорит о «структурно-функциональных изменениях, произошедших в обществе ...» [22, С. 234], а разбирая «право в государстве», неожиданно выде-

³ Вставлено нами.

ляет его «структурно-функциональный аспект» [22, С. 529]. Однако общеизвестно, что элементами любой структуры могут быть функции (отображения, операторы, отношения); алгоритмы и операционные объекты их реализующие. Именно они образуют соответственно функциональную структуру, алгоритмическую структуру и организационную структуру, которые являются различными сторонами, характеризующими морфологический уровень представления объекта «рассмотрения, исследования» [22, С. 14, сноска 6]. Отсюда следует, что «структурно-функциональные изменения» и «структурно-функциональный аспект», которые предполагают рассмотрение только «устойчивых связей, обеспечивающих сохранение основных свойств государства при различных внешних и внутренних изменениях» [22, С. 529], выступают в роли «масла масляного, «экономной экономики» или «правового права» и никоим образом не связаны с морфологическим (структурным) представлением объекта исследования.

Ошибочно определив «систему» как «целое, составленное из частей», как «целостность, состоящую из элементов, находящихся в отношениях (связях) между собой» [22, С. 14, сноска 6], А. В. Поляков определяет право как «сложную многомерную психосоциокультурную систему, тотальную социальную реальность, в которой все элементы связаны между собой, и отсутствие хотя бы одного из них разрушает сам феномен права» [22, С. 257–258]; говорит о «системе норм права как совокупности взаимосвязанных между собой правовых норм» [22, С. 713]; рассматривает «структуру правового отношения как систему, представляющую собой сложное явление, состоящее из различных элементов и структурных связей между ними» [22, С. 737]. Однако, используя действительно «научно приемлемые определения», по мнению Л. Фон Берталанфи, следует считать, что «совокупность» только тогда становится «системой, когда имеет место «взаимодействие ее взаимосвязанных элементов» [24, С. 23–82]. Отсюда следует, что любая система обязательно имеет структуру, а структура становится системой только тогда, когда ее элементы начинают взаимодействовать, при этом именно взаимодействие элементов придает системе целостные (эмерджентные) свойства, которыми не обладают ни совокупность элементов, ни структура.

«Говоря о системном подходе в правоведении», А. В. Поляков считает «необходимым использовать

определенную, специально разработанную для этого терминологию» [22, С. 113, сноска 6]. Однако системный подход, который является «общим методом исследования объекта как целого», делает акцент не на «целенаправленность» [22, С. 113, сноска 6] системы, а на «взаимодействие элементов», которое собственно и «порождает эмерджентные свойства» [19, С. 13].

Продолжая специфически использовать «научно приемлемые определения права», А. В. Поляков полагает, что понятие «функция государства можно определить как основные направления его деятельности, направленные на поддержание собственной системной целостности» [22, С. 529–530]. Это позволило ему зафиксировать «виды функций государства», среди которых, по его мнению, «наибольшее значение имеет выделение политической, идеологической, культурно-воспитательной, экономической, фискальной, социальной и экологической функций государства» [22, С. 530]. Однако, в общепринятом понимании, как отмечает профессор Т. Н. Радько в единственном месте выполненного им раздела «Функции права», «с функцией связывается направленное, избирательное воздействие ... на определенные стороны внешней среды» [16, С. 72]. Это подтверждает тот факт, что функция – это не «направление воздействия», а все-таки «направленное, избирательное воздействие». В этом и состоит незаметный, но весьма принципиальный характер подмены А. В. Поляковым на основе введенных им «научно приемлемых определений права» понятия «функции как направленного воздействия» на область значения, действия, применения функции, т. е. «направление воздействия». Если следовать утверждению замечательного правоведа В. С. Нерсесянца о том, что «право – это своеобразный аналог математики в социальной области», то в такой ситуации «виды функций государства» превращаются в свойства функций государства, которые присущи им в той или иной степени, и играют для государства такую же роль, какую играют свойства гладкости, непрерывности, дифференцируемости для математических функций.

Уникальным среди «научно приемлемых определений права» следует признать также введенное А. В. Поляковым понятие «нормы-принципы», под которыми он понимает «нормы, закрепляющие основные, исходные начала права» [22, С. 711]. По определению норма права представляет собой «общеобязательное правило поведения, носящее государственно-властный характер, рассчитан-

ное на неоднократное применение и сформулированное путем наделения адресатов взаимными субъективными правами и юридическими обязанностями» [25, С. 227], а под принципами права всегда понимались «исходные положения, основополагающие идеи, начала, от которых нельзя было отступить» [3, С. 588; 7] «на данном интервале времени» [11, С. 100]. Отсюда следует, что поскольку от нормы, хотя и под угрозой наказания, все-таки отступить можно, а от принципов права по определению отступить нельзя, то словосочетание «нормы-принципы» смысла иметь не может. Это было замечено еще великим Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.), который включил принципы права не в сам текст, а в преамбулу к своему Своду законов.

Весьма оригинальным среди «научно приемлемых определений права» является предложенная А. В. Поляковым дефиниция «правового регулирования», которую он дает в «нескольких смыслах». Он считает, что, «под правовым регулированием в телеологическом смысле можно понимать целенаправленное текстуальное (информационно-ценностное) правовое воздействие на субъектов правовой коммуникации, вызывающее их ответное поведение, адекватное воздействующему тексту», а «под правовым регулированием в функциональном смысле следует понимать ориентацию поведения субъектов правовой коммуникации на ее нормативные условия» [22, С. 611]. Это приводит его к выводу, что «правовое регулирование есть только там, где достигаются коммуникативно-правовые цели», а потому указанное «правовое регулирование осуществляется, прежде всего, через различные правовые тексты, как первичные (текстуальные источники права), так и через тексты вторичные (тексты реализации права, юридической практики и др.), а также через тексты правовой культуры (правовой идеологии, правовой политики и т. д.)» [22, С. 611]. Однако, в общепринятом понимании, объект исследования, в данном случае «правовое регулирование», должно определяться его сущностью [22, С. 113], а не тем, как оно осуществляется. Сущность же любого регулирования состоит в поддержании некоторого явления, процесса, в том числе и общественного, в заданных границах и реализуется оно путем выявления несогласования между регулирующим воздействием и его результатом и устранении этого несогласования. Применительно к отношениям в обществе регулирование осуществляется правовыми средствами, а его результатом становится стабилизация

таких отношений или, как говорят правоведы, их «упорядоченность».

Завершить далеко не полный, ограниченный лишь рамками данной статьи перечень понятийных огрехов А. В. Полякова можно упоминанием того, чего вообще не оказалось в его «общей теории права».

Так предложив свой феноменолого-коммуникативный подход, А. В. Поляков вообще не уделил никакого внимания моделированию социально-экономической сферы, функционирование которой и должна обеспечивать его «общая теория права». В целом важность моделирования для науки, в том числе и правовой, очевидна: например, еще в последние годы XIX в. лорд Кельвин прямо заявлял, что он не может понять ни одного явления, ни одного процесса до тех пор, пока не представит себе его механическую модель, обладающую свойствами, подобными оригиналу. Это его заявление неоднократно цитировалось, но большей частью порицалось, как пример ненаучного консерватизма. Тем не менее, в нем содержится значительная доля истины, поскольку представление модели среды обитания и хозяйствования не только дает более глубокое понимание процесса правового обеспечения, но и позволяет снизить количество возможных огрехов.

В своей «общей теории права» А. В. Поляков вообще ничего не говорит об используемой им аксиоматике «общественных отношений», которая является определяющей для любой теории. Однако еще из курса математики средней школы хорошо известно о роли аксиомы в формировании, например, геометрии. Так отказ от истинности пятого постулата Евклида и принципиально новое предположение о том, что сумма углов треугольника может быть меньше π , привело практически в один и тот же временной период (1829-1846 гг.) русского математика Н. И. Лобачевского [13], венгерского математика Я. Бойаи [4] и немецкого математика К. Ф. Гаусса [15, С. 151] к созданию неевклидовой геометрии, которая востребованы практикой в полной мере. Поскольку в общественных процессах роль аксиом играют принципы права, то их отсутствие в рассматриваемой «общей теории права» вообще не позволяет определить направленность реализации с помощью «текстов» правового регулирования хрестоматии, а тем более установить дефицитность хозяйственных и правовых представлений, наличие которой и приводит к весьма негативным последствиям в обществе.

Наконец, можно заметить, что именно понятие «теория»^{греч.}, которое, как было отмечено выше, знаток русского языка В. И. Даль определил как «умозрение, умозаключение; заключение, вывод из чего-либо не по явлению на деле, а по выводам своим» [10, С. 229], позволило выдающемуся математику современности Д. Гильберту рассматривать ее как своего рода модель, в основе которой лежат сущностные, определяемые реальной действительностью признаки. Обоснованный выбор таких признаков в полной мере определяет уровень гомоморфизма теории, в том числе и «общей теории права» А. В. Полякова. Однако эти сущностные признаки оказались вне зоны внимания всех ранее разработанных теорий права, и естественно «общей теории права» А. В. Полякова, который просто не включил понятия теории моделирования в «научно приемлемые определения права».

Негативные последствия понятийных огрехов «Общей теории права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций» [22] А. В. Полякова весьма серьезны, поскольку, по мнению Д. И. Писарева (1840-1868 гг.), «неправильность употребления слов ведет за собой ошибки в области мысли и потом в практике жизни». Однако на них теоретико-правовой бомонд не обращал, да и не обращает вообще никакого внимания. Остается только сожалеть об отсутствии ребенка из известной сказки Г. Х. Андерсена, который, увидев шествующего в процессии под роскошным балдахином обнаженного короля, чье платье, однако, расхваливало его окружение и все люди, стоявшие на улице, неожиданно для всех воскликнул: «Но ведь он голый!». «И только потом «все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка»: «А, король-то голый! Ребенок говорит, что на нем ничего нет! На нем ничего нет!» – закричал, наконец, весь народ» ... [1, С. 17].

Действительно, правовая наука, рассматриваемая сегодня как «система знаний о закономерностях и развитии природы, общества и мышления, а также отдельная отрасль знаний» [17, С. 237], в лице докторского диссертационного совета юридического факультета СПбГУ по специальности 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений, не смущаясь, позволила А. В. Полякову на базе первого издания «Общей теории права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций» в 2002 г. защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Коммуникативная теория

права (генезис и теоретико-правовое обоснование)». Эксперты экспертного совета ВАК РФ, глубоко впитавшие в себя идеи «теории государства и права» подтвердили, что такая «диссертация... является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо как решение научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение» [21], так что предложенная А. В. Поляковым теория права приобрела общегосударственное значение.

Закрепленные ВАКом РФ «ошибки в области мысли» А. В. Полякова естественно стали базовыми при подготовке будущих юристов на юридическом факультете СПбГУ. В результате реализация глобальной цели изучения «теории государства и права» – подготовить высококвалифицированных специалистов-юристов, умеющих обоснованно и результативно применять в реальных меняющихся условиях бытия и хозяйствования существующие и осваивать новые методы их правового обеспечения при решении определяемых этой меняющейся средой задач, оказывается весьма затруднительно: такая «общая теория права» будет по-прежнему обеспечивать жизнедеятельность общества через обогащение его предприимчивой части в предположении, что как только она обогатится, то сразу же наступит всеобщее благоденствие.

Наконец, понятийные огрехи А. В. Полякова полностью исключили для него возможность понять иную теорию права, в основе которой лежат общепринятые понятия, отличающиеся от им «определенной, специально разработанной для этого терминологии» [22, С. 113, сноска 6]. Такая ситуация уже была теоретически описана еще К. Прутковым, который писал: «Многие вещи нам не понятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий» [23, С. 98], По этой причине фраза А. В. Полякова: «... Должен признаться, что не смог разобраться в Ваших идеях, представленных в рукописи», – взывает уважение.

В заключении следует отметить и положительный аспект монографии А. В. Полякова, поскольку без нее нельзя было бы установить понятийные огрехи в праве, устранение которых привело к разработке новой «Теории права на основе сущностного признака общественных отношений

– собственности (на примере Российской Федерации), включающей в себя эмпирическую, теоретическую, методологическую и практическую части и отношения между ними.

Литература

1. *Андесен Г. Х.* Новое платье короля. – СПб.: Изд-во «Малыш», 1976. – 110 с.
2. *Бараненков, В. В.* Военная организация как юридическое лицо в системе Федеральной пограничной службы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03 / В. В. Бараненков. – М.: Военный университет, 1999. – 179 с.
3. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1975. Т. 20. – 607 с.
4. *Бойаи Я.* Appendix. Приложение, содержащее науку о пространстве абсолютно истинную, независимую от истинности или ложности XI аксиомы Евклида, что никогда решено быть не может. – М. – Л. 1950.
5. *Булгаков М. А.* Собачье сердце, Иван Васильевич: Повесть, пьеса. – СПб.: Азбука, Азбука – Атткус, 2011. – 160 с.
6. *Виноградов, А. Ю.* Гражданская правосубъектность воинской части: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03 / А. Ю. Виноградов. – М.: Военный университет, 2000. – 223 с.
7. *Вопленко Н. Н.* Сущность, принципы и функции права: учеб. пособие. Волгоград: изд-во ВолГУ, 1998. 54 с.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 2. – 672 с.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 3. – 576 с.
10. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 4. – 576 с.
11. *Домаков В. В.* Теория права на основе сущностного признака общественных отношений – собственности (на примере Российской Федерации) – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2011. – 356 с.
12. *Корякин В. М.* Введение в теорию военного права (монография) // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Серия «Право в Вооруженных силах – консультант». «За права военнослужащих», 2007.
13. *Лобачевский Н. И.* Полн. Собр. соч., Т. 1 – 5. – М. – Л. 1946 – 1951.
14. *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права: в 2 ч. – М., 1877. Ч. 1. – 317 с.
15. *Норден П. Гаусс и Лобачевский.* / «Историко-математическое исследование». 1956. Вып. 9.
16. Общая теория права: курс лекций / Под общей ред. проф. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород: Нижегород. Высш. школа, 1993. – 544 с.
17. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.
18. Паспорт специальности 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права». С. 2-5.
19. *Погостинская Н. Н., Погостинский Ю. А.* Системный подход в экономико-математическом моделировании: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. – 74 с.
20. Политическая экономия: учеб. пособие для школ основ марксизма-ленинизма / О.Н. Агапова и др.; рук.-ли автор. коллект. А.Н. Малафеев, Ю.В. Яковец. – М.: изд-во политической литературы, 1967. – 367 с.
21. Положение о присуждении ученых степеней», утвержденное постановлением Правительства РФ от 24.09. 2013 г. N 842, п. 9.
22. *Поляков А. В.* Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. 2-е изд., доп. – СПб.: издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 845 с.
23. *Прутков Козьма.* Сочинения / Вст. Статья В. Сквозникова. Коммент. А. Бабореко. – М.: Правда, 1986. – 416 с.
24. *Фон Берталанфи Л.* Общая теория систем – критический обзор / В кн. Исследования по общей теории систем // Сборник переводов. – М: Прогресс, 1969 г. – С. 23-82.
25. *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права. 2-е изд., дополненное, исправленное / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ В. Г. Стрекозова. – М.: изд. «Интерстиль», 1997. – 377 с.